

Ноября 22 (5 декабря)

Священномученик
Владимир Рясенский

Священномученик Владимир родился в 1891 году в городе Осташкове Тверской губернии в семье священника Федора Рясенского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к церкви села Спас-Есеновичи Вышневолоцкого уезда. 2 сентября 1916 года о. Владимир по его прошению был переведен в храм погоста Волго Осташковского уезда. В двадцатых годах он служил в Знаменском храме в Осташкове. Много раз священника вызывали в ЧК и с угрозами требовали, чтобы он прекратил произносить проповеди, но каждый раз он отвечал: «Произносил и произносить буду».

В ноябре 1929 года скончался один из старейших священников Осташкова, бывший много лет благочинным, протоиерей Иоанн Бобров. Уважение к этому пастырю было столь велико, что отпевание собрало в храм почти весь город, пришли монахины Знаменского монастыря, многие рабочие завода, и шествие от собора до кладбища растянулось на полгорода. В соборе и затем на кладбище многие священники говорили проповеди в память почившего. Отец Владимир, в частности, сказал, что протоиерею Иоанну пришлось много претерпеть гонений от властей, он был одним из первых, кого власть стала преследовать, и еще в 1918 году он был приговорен к тридцати годам заключения. Арест, следствие и заключение пагубно отразились на здоровье о. Иоанна и способствовали приближению его кончины¹.

Подходил к концу 1929 год; распоряжением властей многие крестьяне и духовенство были заключены в концлагеря или расстреляны; служение священническое венчалось в те годы подвигом исповедническим и мученическим. И прошло совсем немного времени после похорон о. Иоанна, когда самому о. Владимиру пришлось исповедовать верность Богу и православию в узах.

Некий шорник, имевший в Осташкове мастерскую, чтобы избавиться от строгого надзора жены и ездить в Москву по своим делам и погулять с приятелями, придумал «уважительный» предлог для отлучек из дома. И решил, что лучше рассказать жене и шурина, рабочему кожевенного завода, что он ходит на тайные религиозные контрреволюционные собрания в Житный монастырь, что существует организация, называющая себя «Красный якорь», имеющая печать с изображением якоря. Собрания будто бы происходят в подвале монастыря, и для безопасности даже выставляются часовые. О чем говорилось на этих собраниях и кто состоял в «контрреволюционной» организации, шорник придумывать не стал. Однако, выслушав его объяснения и видя, что теперь наступило время, когда все газеты и власти в своих распоряжениях говорят о контрреволюции, шурина обо всем написал в Осташковское ГПУ и в конце декабря 1929 года был вызван к следователю для допроса, на котором подтвердил все ранее сообщенное.

Тогда же был вызван для допроса заведующий рыбными промыслами в Осташкове – вероятно, по близости расположения его конторы к монастырю. Он показал, что хорошо знает председателя церковного совета монастыря Дмитрия Мельникова, который еще в 1927 году предлагал на церковном собрании

добиться от властей разрешения на устройство крестного хода в Нилову пустынь. По его инициативе собирались для Ниловой пустыни пожертвования. Дмитрий Мельников был противником обновленцев и в 1929 году на Ильин день устроил крестный ход без разрешения властей, только ради того, чтобы народ не шел к обновленцам. После категорического запрещения крестных ходов в Нилову пустынь Дмитрий Мельников от лица благочиннического совета подал властям ходатайство о разрешении крестных ходов из всех городских церквей Осташкова в Житный монастырь. Такое разрешение было ему выдано, но затем административный отдел забрал разрешение обратно. Во время погребения протоиерея Боброва священники устраивали панихиды и собрания в соборе в течение четырех дней, когда говорились антисоветские проповеди и, в частности, священником Владимиром Рясенским, а сами похороны были приурочены к вечернему времени, чтобы освободившийся от работы народ смог принять в них участие.

В 1930 году после опубликования в газетах интервью митрополита Сергия председатель церковного совета Дмитрий Мельников обратился с просьбой к одному из членов церковного совета, который был знаком с членом Синода митрополитом Серафимом (Александровым), чтобы выяснить, каковы, по мнению Синода, будут последствия этого интервью. Кроме того, посланец должен был через митрополита Серафима сообщить Священному Синоду о положении церковных дел в Осташкове, о том, что одну церковь Знаменского монастыря власти уже отобрали, что от соборного причта потребовали уплаты огромного налога, что часть монастырских помещений, где ранее размещались келии, власти отобрали и поселили в них рабочих. Положение таково, что если не удастся выплатить налоги за пользование собором, это грозит закрытием его и уничтожением монастыря. Все это посланец должен был изложить митрополиту, испросив у него совета. По приезде из Москвы посланец рассказал о своем посещении митрополита Серафима.

Это ли как свидетельство активности верующих в Осташкове, или решимость местного ГПУ исполнить постановление Политбюро по беспощадному аресту духовенства и церковников, но через непродолжительное время, летом 1930 года, ГПУ арестовало председателя церковного совета Дмитрия Мельникова, а затем еще несколько человек, принимавших деятельное участие в церковной жизни, и среди них священника Владимира Рясенского.

Во время заключения в тюрьме о. Владимира жестоко мучили, били, вырывали на голове волосы по волоску, но священник остался тверд в своем исповедании – не отрекся от Бога и не признал себя виновным в вымышленных преступлениях. Мужество его было удивительным. На заданные вопросы о знакомых ему священнослужителях о. Владимир отвечал: «Священнослужителей знаю, но разговоров на политические темы мы никогда не вели. Я лично – аполитичен и вопросами политики не интересуюсь; что касается Эклунда, то его я знаю как регента, в его доме я никогда не бывал и разговоров с ним не вел». Это все, что услышали следователи ГПУ от священника, но продолжали допрашивать, добиваясь, чтобы он оговорил себя и других. Но помнил священник слово Христово: от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься, и на вопросы следователей отвечал сдержанно: «Мельникова я знаю как церковного старосту нашего собора и бываю у него только по службе, в Пасху и Рождество я приглашался к нему в дом. Я никогда не вел разговоров на темы о советской власти. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю».

23 декабря 1930 года следствие по делу священника, церковного старосты и нескольких мирян было закончено, на следующий день было составлено обвинительное заключение. Кроме священника, обвинялся Николай Ефимович Росляков – глубоко верующий человек, врач, выпускник медицинского факультета Московского университета. До войны 1914 года работал в Селижаровской земской больнице, а когда началась война, сразу ушел на фронт врачом в действующую армию, откуда вернулся только в 1919 году и поступил в Осташковскую больницу. В 1923 году он был арестован и приговорен к одному году принудительных работ за так называемую антисоветскую деятельность, ему было запрещено занимать должность врача в советских лечебных заведениях. Николай Ефимович стал лечить частным образом, что при его известности в городе никак не повлияло на его положение практикующего врача, и к нему так же, как и раньше, шли самые разные люди, включая партийных чиновников. Теперь его обвиняли среди прочего в том, что «сидя на балконе своей квартиры, он на флейте наигрывал «Боже, царя храни», а когда его спросили: «Что вы играете?» – он ответил: «Я выдуваю оставшиеся ноты и подготавливаю к исполнению «Интернационала». Как-то к нему на прием пришел человек и, ожидая в комнате, он не снял шапки, тогда врач сказал ему: «Здесь не исполком и не кабак, и сними свой колпак». Однажды некий отец пригласил Николая Ефимовича к своему больному сыну, прося, чтобы врач на дому сделал операцию. Николай Ефимович спросил больного: «Ты комсомолец?» Тот ответил отрицательно, и врач попросил показать крест, но креста, по-видимому, не было, и Николай Ефимович на это сказал: «Пойдешь воевать за китайцев».

*Епископ Осташковский Иаков (Маскаев),
викарий Тверской епархии, среди духовенства Осташкова.
Второй слева в верхнем ряду – священник Владимир Рясенский. 1928 год.*

В контрреволюционной деятельности был обвинен регент собора Константин Алексеевич Эклунд. Малым ребенком он был отдан обучаться пению

сначала в хор Исаакиевского, а затем Казанского соборов в Санкт-Петербурге. Окончил в Санкт-Петербурге музыкальную школу и был приглашен регентом в Осташков. Его обвиняли в том, что в его квартире велись разговоры на политические темы, к которым он относился сочувственно.

Староста храма Дмитрий Мельников обвинялся в том, что выражал недовольство советской властью, хвалил прежние порядки и жизнь, жалел сосланных в ссылку, помогая им деньгами, говоря о них, что они – невинные жертвы коммунистического террора. Кроме того, протестовал против закрытия Преображенского храма и посылал с жалобами в Москву в Синод своего секретаря. Уже находясь в камере, он будто бы распространял среди заключенных слухи, что в колхозах люди голодают и хорошо ныне только колхозному начальству из коммунистов, которые живут, как бывшие помещики. У них на столах и свинина, и гусь, и курица, а остальным колхозникам нечего есть.

Шорник Павел Александрович Акимов был обвинен в том, что сам наговорил и напридумывал на себя, но только все придуманное следовательно ему засчитал за правду.

Отца Владимира обвинили в том, будто бы он говорил: «Разложение религии соответствующими органами власти ведет к падению культуры народа и гибели России. Властители подзаборные и евреи занимаются грабежом богатой страны и сплавляют эти богатства за границу, этими же богатствами они откупаются от темных рабочих масс и тратят большие деньги на пропаганду».

Никто из обвиняемых не признал себя виновным в возводившихся на них государственных преступлениях, следственный материал не выдерживал ни малейшей критики, и уполномоченный ОГПУ решил, что «настоящее дело нецелесообразно направлять на рассмотрение открытого судебного заседания, а потому направить его для внесудебного рассмотрения в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ». Тройка ОГПУ через несколько дней, 26 декабря 1930 года, приговорила врача Николая Рослякова к десяти годам заключения в концлагерь, священника Владимира Рясенского и регента Константина Эклунда – к пяти годам заключения в концлагерь, Павла Акимова – к трем годам заключения, старосту Дмитрия Мельникова – к пяти годам ссылки в Северный край. 30 января 1931 года священник, регент и двое мирян были отправлены этапом в концлагерь Мариинска.

Тяжелые условия следственной тюрьмы в Великих Луках, путешествия по пересыльным тюрьмам и непосильная работа в концлагере привели к тому, что отец Владимир Рясенский через полтора года скончался. Священник умер в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, 4 декабря 1932 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 421-425

Примечания

¹ После опубликования 20 января 1918 года декрета об отделении Церкви от государства началось повальное ограбление храмов и монастырей. 15 февраля 1918 года в Преображенском

храме города Осташкова на приходском собрании был поставлен вопрос об охране церкви и церковного имущества и предложено при угрозе нападения на храм со стороны вооруженных отрядов начинать звонить в набат, чтобы звать к защите народ.

25 февраля 1918 года власти совершили попытку изъятия имущества и материальных ценностей из Преображенского храма, что послужило к началу набатного звона и собранию народа, который оказал сопротивление вооруженным грабителям. За сопротивление грабежу многие были арестованы.

Протоиерей Иоанн Бобров, февраль 1918 года

12 февраля 1919 года состоялось заседание Тверского Губернского Трибунала, который заслушал дело одиннадцати подсудимых, обвиненных в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Среди других были привлечены к суду священник Михаил Лебедев и благочинный храмов Осташковского уезда протоиерей Иоанн Бобров. Священника Михаила Лебедева обвинили в том, что он, «когда начался звон в Преображенской церкви, не принял никаких мер к успокоению собравшейся возбужденной толпы верующих путем разъяснения им, что со стороны советской власти никакого покушения на церковное имущество не производится, что он легко мог бы сделать как священник и настоятель церкви, от такого его бездействия толпа, находящаяся в заблуждении, приступила к кровавой расправе с представителями советской власти».

Протоиерей Иоанн Бобров был обвинен в том, что, будучи председателем церковного собрания и являясь его инициатором, «допустил двусмысленную формулировку постановления собрания о мерах предосторожности в защите церквей и церковного имущества от посягательства на таковые со стороны врагов церкви, что и послужило причиной возникновения беспорядков 25 февраля 1918 года в городе Осташкове... Принимая во внимание, что факт виновности протоиерея Боброва на судебном следствии доказан вполне и что он и священник Лебедев как руководители всего духовенства в городе Осташкове, а также и уезде, как лица, пользующиеся уважением среди местных жителей, защищая интересы духовенства всего Осташковского уезда... организовали церковно-приходские советы в городе Осташкове и, поддерживая связь с волостными церковно-приходскими советами с целью противодействовать декретам Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства, школы от церкви и введению нового стиля в церковном обиходе, и что такая деятельность протоиерея Боброва и священника Лебедева вызвала выступление контрреволюционных темных масс и личностей, постановил: священника Лебедева лишить свободы на двадцать пять лет, священника Боброва лишить свободы на тридцать лет. Ко всем подсудимым, кои по настоящему приговору лишены свободы, должны быть применяемы общественные принудительные работы».